

## Глава 39. Первый экзамен Вэй Вэнькана

Лю Тяньцзяо находил в словах мужа крупницу истины, но сомнения всё ещё грызли его.

— Сроки посадки — дело дедовское, испокон веков заведённое. Что, если послушаемся и беды накличем? — рассуждал он. — С малых лет помню, как старики в деревне ворчали: мол, если парень непутёвый да семена бросил в землю на пару дней позже срока, то и урожай у него будет вполовину меньше.

Вэй Вэнькан, проработавший в поле не один месяц, уже не был тем книжным червём, что не отличит лук-порей от пшеницы. Припоминая, как выглядели плоды на соседских грядках, он спокойно ответил:

— Нарушение сроков и впрямь сказывается на росте, тут спору нет. Но пусть овощ будет невзрачен — это всё же лучше, чем совсем ничего.

Тяньцзяо на мгновение задумался.

— И то правда. Помню, батюшка мой летом на длинные бобы да баклажаны смотреть не мог — так они ему приедались, а зимой локти кусал, да взять негде было. Я тогда специально сушил их про запас, чтобы хоть вкус вспомнить в холода, да только сушёное со свежим не сравнится.

— Слыхивал я, — продолжал Вэнькан, — что на севере зимы лютые, снега по пояс, и кроме картошки, капусты да редьки ничего не сыскать. Но у нас-то края южные, морозы не столь суровы. Зимой вон сколько зелени кругом. Если мы чуть сдвинем время посадки, думаю, влияние будет невелико.

— Пожалуй, стоит попробовать, — Лю Тяньцзяо никогда не отличался нерешительностью. Раз дело стоящее — надо делать. — Овощи-то наши мы посадили позже прочих. Завтра же соберём остатки и свезём на рынок, посмотрим, что выйдет.

Супруг, разумеется, возражать не стал.

Забыв об отдыхе, они принялись за работу. Наполнили две корзины доверху: здесь был и водный шпинат, и длинные бобы, и острый перец, и восковая тыква. Из-за поздней посадки и наступивших холодов урожай вышел нежным, но мелким. Особенно восковые и обычные тыквы — те уродились едва ли вполовину меньше прошлогодних. Тяньцзяо даже засомневался: не поднимут ли их на смех на базаре с таким товаром?

Но всё вышло в точности так, как предсказывал Вэй Вэнькан. Стоило им на следующий день разложиться, как подошёл первый покупатель.

— Откуда в такую пору свежие бобы? — удивился прохожий.

Вэнькан вежливо улыбнулся:

— Места в поле не было, вот и посадили с запозданием.

Мужчина взял пучок. Заметив, что все бобы уложены один к одному, он сразу смекнул: торговец — человек аккуратный и честный. Покупатель выбрал стручок потолще и разломил его. Сочный хруст подтвердил свежесть.

— Мелковаты, конечно, — одобрительно кивнул он, — зато нежные. Почём отдаёшь?

— Два вэня за цзинь, — ответил Вэнькан.

Покупатель тут же нахмурился:

— Что ж так дорого? Летом на один вэнь три-четыре цзиня взять можно было!

— Сами видите, уважаемый: бобы эти тонкие да нежные, уродилось их вполовину меньше летних, зато вкус — неопиcуемый. Обжарьте их с мясным фаршем да квашеной капустой — за один присест полчашки риса улетит.

— С фаршем да капустой и подмётку съесть можно, — проворчал мужчина, хотя по глазам было видно: раззадорился. — Ладно, не будем спорить. Перец у тебя тоже хорош. Давай мне два цзиня бобов, а перцу в придачу накинешь, идёт?

Торговец знал: в делах главное — дать человеку почувствовать, что он в выигрыше. Он не стал упрячиться и сразу согласился:

— Договорились! И весы вам поставлю повыше.

Этому приёму он научился у Тяньцзяо. Иные лавочники трясутся над каждой крохой, стараясь обвесить покупателя, но Лю Тяньцзяо был не таков. Он никогда не гнался за мелкой выгодой, держался щедро и приветливо, оттого и дела у него всегда шли лучше, чем у соседей.

Увидев такую покладистость, мужчина быстро расплатился и ушёл, довольный покупкой.

Но если одни ценили редкость товара, то другие видели лишь попытку нажиться. Стоило кому-то услышать цену, как в сторону супругов летели пощёлки.

— Ох, и молодёжь нынче пошла! — причитала одна женщина. — Продадут пучок зелени, а заломить хотят столько, чтоб на десятки лет вперёд хватило. Пять вэней за цзинь перца? Ты б ещё грабить на дорогу вышел!

— И то правда, — поддакнула другая. — Совсем от денег голову потеряли. Только дурак на такое польстится.

Вэнькан не обижался, лишь с мягкой улыбкой отвечал:

— Летом и впрямь было дешевле, сестрица. Не хотите — не берите, воля ваша.

Впрочем, если бы не хотели — не подходили бы. Просто надеялись сбить цену, а не вышло — вот и злились.

У Тяньцзяо в лавке потрохов народу пока не было, так что он подошёл проведать мужа. Заметив, что торговля идёт не слишком бойко, он шепнул:

— Дороговато выходит. Может, скинем немного?

Но Вэнькан был твёрд:

— Я уже весь рынок обошёл. Таких длинных бобов да перца ни у кого больше нет. Кому охота полакомиться — купят.

Тяньцзяо не хотел мешать супругу в его первом самостоятельном деле:

— Ладно, торгуй. А если останется что доброе — занеси Учителю Вану. Он в городе живёт, всё покупное ест. Хоть дары нашего огорода и недороги, в эту пору они — редкость настоящая.

— Хорошо, — кивнул Вэнькан.

Холодало. На рынке гулял ветер, пробирая до костей. Котелок с потрохами подогревался на огне, но печка была мала, и тепла от неё почти не чувствовалось. Супруги не смели подходить к огню слишком близко, чтобы не выглядеть неопрятно — к еде они относились с особым почтением и всегда держали всё в чистоте.

Тяньцзяо притопнул ногами и, глядя на Вэнькана, который сидел в двух тонких халатах с самым невозмутимым видом, не удержался от смешка. Надо же, как держится — а губы-то совсем побелели.

Люди, привыкшие к нужде, обычно не столь чувствительны к холоду и голоду. Вэнькан, хоть и чувствовал себя неуютно, терпел без жалоб. Когда Тяньцзяо протянул ему миску горячей воды и маньтоу, он даже немного растерялся.

— Откуда это?

— В лавке напротив взял. Паровые булочки у них так себе, а вот маньтоу — ничего, тесто вышло на славу.

— И чем же оно хорошо? — поинтересовался Вэнькан.

Тяньцзяо лукаво прищурился и тихо ответил:

— Из одного цзиня муки ухитряются сделать целых три цзиня хлеба.

Юноша не сдержал улыбки:

— Ну и язык у тебя.

— Правду ведь говорю! Но хозяйка — баба умная. Видит, что мороз на дворе — не пожалела двух чашек кипятка.

В торговле всё крутится вокруг выгоды. Вода-то гроша не стоит, а дрова жечь да время тратить не всякий захочет. Вэнькан согласно кивнул:

— Вот и не диво, что дела у неё в гору идут.

Глоток горячей воды и тёплый хлеб вернули бодрость. Тяньцзяо сладко потянулся:

— Эх, белый хлеб — это всё же объедение. Вот разбогатею — каждый день только его и буду есть.

На пустой желудок мысли всегда к сытной еде возвращаются. Вэнькан вспомнил, как когда-то Цзяо Гэ'эр лакомился сладостями на молоке, а теперь, живя с ним, вынужден выгадывать каждую кроху на простую булочку. От этих мыслей на душе стало беспокойно — всё казалось, что он в долгу перед партнёром.

Покупателей на дорогую зелень нашлось немного. К концу дня из двух корзин удалось сбыть лишь цзиней двадцать, но из-за высокой цены прибыль вышла достойной. Отдав шестьдесят с лишним медных монет Тяньцзяо, Вэнькан отобрал самые свежие овощи — вышло около десяти цзиней — и собрался к учителю.

Тяньцзяо немного забеспокоился:

— Всё же остатки... Не побрезгует ли Учитель Ван?

— Ничего страшного. Сейчас холодно, овощи будто только с грядки. К тому же мы их вымыли и

уложили красиво — на всём рынке такого товара не сыскать.

— Тогда ступай. Я здесь тебя подожду, — Тяньцзяо видел, как муж торопится. — Да не беги сломя голову, не к спеху.

За это время они успели привыкнуть друг к другу, проявляя заботу почти как старые супруги. Впрочем, Вэнькан делал это от чистого сердца, а Тяньцзяо — больше из опасения, как бы муж не занемог да не пустил на лекарства его кровные денежки.

Учитель Ван был человеком зажиточным и обедал трижды в день. Вэнькан застал его как раз после полуденной трапезы. Наставник ещё не успел прилечь отдохнуть, когда в дверях появился его ученик с корзиной за плечами.

— Нынче ведь выходной, — удивился учитель. — Что привело тебя в школу в такой час? Случилось ли чего?

Вэнькан поставил ношу на пол и почтительно поклонился:

— Никакой беды нет, учитель. Просто в нашем огороде овощи уродились на диво, вот я и решил поднести немного к вашему столу.

Наставник не был рабом чревоугодия, а вот его супруга, Цзинь-ши, так и просияла. Как раз сегодня внук капризничал за обедом: мол, всё та же капуста, картошка да редька — надоело хуже горькой редьки.

— Ох, какой же ты внимательный, паренёк! — воскликнула она с улыбкой.

Учитель Ван нарочито кашлянул, выказывая недовольство такой нескромностью жены. Хотя подношение и не было дорогим, но и принимать его без тени сомнения было не по чину.

— К чему эти хлопоты? Сами бы и ели.

— Семья у нас малая, нам двоим столько не одолеть, — ответил Вэнькан. — Ваши наставления для меня бесценны, а сам я богатствами не владею. Эти плоды с моего огорода — лишь малая доля моей признательности. Прошу вас, учитель и шинян, не отказывайте.

Цзинь-ши была женщиной бойкой и, не обращая внимания на чопорные мины мужа, рассмеялась:

— Твой наставник просто напускает на себя важность. Сейчас такая зелень — редкость. Внуку моему хоть вкус новый будет. Забираю и точка, спасибо тебе за доброту.

Вэнькан уже знал нрав супруги учителя: была она проста в общении, к ученикам относилась по-матерински, вот только готовить не умела. Да и кухарка в их доме была хоть и проворна, но стряпала так, что еду можно было разве что проглотить без удовольствия. Летом, когда овощей в избытке, школьный стол ещё можно было терпеть, но зимой... день за днём одно и то же.

Не только внук учителя — ни один ученик в школе не хвалил местную еду. Тан Жуй, тот и вовсе извёлся бы от голода, если бы не подношения Цинь Байсюаня.

Вэнькан же, познавший настоящий голод, не привередничал. Пока другие воротили нос, он наедался вдоволь — так дома можно было сэкономить лишнюю горсть зерна.

Цзинь-ши заметила этого рослого парня с отменным аппетитом. Ей было не жалко еды, скорее даже лестно, что кто-то ценит её заботу. Глядя, как ученик начал потихоньку полнеть и крепнуть, она даже чувствовала некую гордость. Так что, хоть общались они нечасто, оба чувствовали друг к другу симпатию.

Учитель Ван прожил с женой не одно десятилетие. В молодости они частенько повздорили бы из-за такой мелочи, но теперь он лишь привычно ворчал себе под нос, видя, что супруга его не слушает.

Тяньцзяо всё ещё ждал на рынке, так что Вэнькан, убедившись, что овощи приняты, собрался было откланяться.

Но наставник остановил его:

— Погоди. Зайди в кабинет, разговор есть.

Впервые учитель пригласил его для личной беседы во внеурочное время. Вэнькан напрягся, хотя интуиция подсказывала — беды не будет.

И впрямь, стоило им присесть, как Учитель Ван произнёс:

— Собирался сказать тебе об этом после выходных, но раз уж ты здесь — скажу сейчас. Будет время подготовиться.

— Слушаю вас, учитель, — сердце Вэнькана забилось чаще.

— В последние годы в южных краях учёность процветает, а вот наш уезд успехами на экзаменах не блещет. Уездный начальник, человек милосердный, убоился, что это повредит будущему наших книжников, и решил устроить смотр — хуэйкао. Тех, кто проявит себя лучше прочих, ждёт награда.

Вэнькан уже достаточно долго грыз гранит науки и немало наслушался от учителя о делах государственных.

«Милосердие тут ни при чём, — он мгновенно всё понял. — Срок службы уездного начальника подходит к концу, а похвастаться нечем. Опасаясь перевода в какую-нибудь глушь, он и затеял этот смотр в надежде, что в его уезде отыщутся таланты. Это помогло бы ему прослыть мудрым просветителем в глазах начальства».

Но хоть цели и были корыстны, для простых учеников это была великая удача. Вэнькан искренне произнёс:

— Мудрость нашего начальника не знает границ.

Увидев, что ученик всё понял, Учитель Ван немного смягчился:

— Ты в школе недавно, но основы знаешь крепко, да и усердия тебе не занимать. Нашей школе выделили всего три места для участия. Одно из них я решил отдать тебе.

Вэнькан едва не лишился дара речи:

— Как же так? Разве не всякий может участвовать?

Наставник лишь хмыкнул:

— Свитки тех, кто пройдёт смотр, будут выставлены на всеобщее обозрение. Если допустить каждого встречного, и кто-нибудь выставит на позор своё невежество — куда тогда уездному начальнику лицо девать? Потому и введён строгий счёт. Крупным школам в уездном городе дали по три места, маленьким — по одному-два. Твой учитель всё же пользуется некоторым почтением, вот нам и выделили три слота.

Вэнькан изумился ещё больше. Выходит, право на участие — вещь поистине драгоценная. В их краях уездный начальник — чиновник шестого ранга, и если удастся привлечь его взор, путь к карьере может открыться небывалый. Тут не только ученики — небось и почтенные сюцаи не прочь попытать счастья.

Не став таиться, он высказал сомнение:

— А нет ли ограничений по учёной степени? В нашем старшем классе есть несколько братьев-туншэнов...

— Ограничений нет, — прямо ответил учитель. — Слыхивал я, что на этом смотре отберут пятьдесят лучших. За первое место дают десять му плодородной земли и триста лянов серебра.

Первой десятке — по три му и по сто лянов. Тем, кто войдёт в двадцатку — му земли и десять лянов. Остальным тридцати земли не положено, но по десять лянов серебра выплатят каждому.

Награда была поистине щедрой. Даже за сдачу государственных экзаменов казна не всегда так одаривала. Вэнькан понял: учитель не просто ценит его успехи, он знает, как туго приходится его семье, и хочет дать шанс поправить дела.

Он встал и отвесил глубокий, искренний поклон:

— Благодарю вас, учитель. Век не забуду вашей доброты.

Учитель Ван махнул рукой:

— Полно тебе. Ты к учению всей душой тянешься, я лишь дверь открыл. А сможешь ли войти — от тебя зависит.

Вэнькан понимал: на учителя ляжет немалый груз ответственности перед другими учениками. Разве это не великая милость? Он втайне поклялся приложить все силы, чтобы не подвести наставника.

Лю Тяньцзяо, увидев мужа, вернувшегося в глубокой задумчивости, встревожился:

— Что случилось? Не принял овощи?

— Принял, — отозвался Вэнькан.

— Так наставник обидел словом?

— Нет.

Тяньцзяо уже не на шутку разволновался:

— Да в чём же дело тогда? Лицо на тебе — краше в гроб кладут.

Вэнькан, чувствуя его заботу, тепло улыбнулся:

— Хорошие вести. Уездный начальник затеял смотр знаний. Нашей школе дали всего три места, и одно из них учитель отдал мне.

Тяньцзяо округлил глаза:

— Это что же выходит — ты у нас в тройке лучших? Батюшки мои, неужто ты и впрямь гений?

Вэнькан не удержался от смеха:

— Вовсе нет. Просто за этот экзамен награда положена. Учитель видит нашу нужду и решил дать мне шанс.

Тяньцзяо немного разочаровался, но тут же рассудил, что дело всё равно доброе.

— И что за награда?

— Если попасть в число пятидесяти лучших — дадут десять лянов серебра, — ответил Вэнькан. О первой десятке он и мечтать не смел, да и двадцатка казалась делом почти невыполнимым.

— И сколько же всего народу будет?

— Думаю, человек пятьсот-шестьсот, — прикинул Вэнькан. В уезде около трёх-четырёх тысяч книжников, если от каждой школы по два-три человека — как раз столько и выйдет. И все они — лучшие из лучших в своих классах.

Тяньцзяо оторопел от такой цифры. Теперь, когда он научился у супруга счёту, числа обрели для него особый вес. Он принялся загибать пальцы и совсем приуныл:

— Из шестисот выбрать пятьдесят... Это ж один из десяти получается. Невероятно трудно.

— Трудно, — подтвердил Вэнькан. Оттого он и кручинился. Одно дело, когда и шанса нет, и совсем другое — когда удача в руки плывёт, а знаний не хватает, чтобы её удержать. Как тут быть спокойным?

За несколько месяцев тяжкого труда они едва скопили те самые десять лянов. А впереди холода, и торговля потрохами будет только затихать. Бог весть, соберут ли они ещё столько же к весне.

Тяньцзяо же рассудил иначе: шальные деньги — они такие, пришли — хорошо, нет — и ладно.

— Ты учишься-то всего ничего, — утешал он мужа. — Если и впрямь сдашь — так это ж позор на седины тех, кто годами зубрит. Как там говорят: «Талантливым всегда завидуют»? Вот чтобы тебе подножек не ставили, можешь и не особо стараться.

Вэй Вэнькан диву давался, как в этой маленькой голове рождаются столь нескладные, но такие тёплые слова. На душе сразу полегчало.

— Ладно, — улыбнулся он. — Чтобы не завидовали — провалюсь с треском.

Но Тяньцзяо, в котором всё ещё боролась жадность, спохватился:

— Нет-нет, нарочно-то не надо! Сдавай как сможешь. А если кто обидеть вздумает — я сам к нему приду и покажу, почём фунт лиха!

— Хорошо, как скажешь.

Хоть слова и были сказаны, Вэнькан стал трудиться ещё усерднее. Даже за работой он не выпускал книгу из рук, за что и получал порцию ядовитых замечаний от односельчан. Те шептались за спиной, мол, «строит из себя учёного мужа, смотреть тошно», чем не на шутку злили Тяньцзяо.

Но чужой роток не зашьёшь. Тяньцзяо лишь метал в их сторону грозные взгляды, боясь лишний раз задеть Вэнькана похвалами, чтобы не давить на него ещё сильнее.

Сложнее всего приходилось в школе. Шила в мешке не утаишь: стоило ученикам разговориться, как весть о местах на экзамен облетела всех. Младшие классы ещё помалкивали — кроме Цинь Байсюаня, все понимали, что им до смотра как до неба. Их задевало, что выбрали новичка, но прямой выгоды они не лишились, так что ограничились лишь едкими шуточками.

А вот класс для подготовки к государственным экзаменам пришёл в ярость. Из восьми человек место получил лишь один — Е Пин, который вечно был первым в учёбе. Как тут не возмутиться? К Цинь Байсюаню претензий не было: из знатного рода, в десять лет туншэн — про таких говорят «молодо-зелено, да удало».

Но Вэнькан? Каким боком он тут оказался? Учёности — всего три месяца, классиков едва перечитал, к политическим эссе только-только подступился. Да и по возрасту он для них был уже почти стариком. С чего вдруг ему такая честь?

Учитель Ван, конечно, видел этот разлад, но по какой-то причине молчал. Вся злоба учеников обрушилась на Вэнькана.

Сегодня всё повторилось. Стоило Вэнькану подойти к дверям класса, как путь ему преградили несколько туншэнов из старшего потока.

— Хватает же совести сюда заявляться. Хоть бы людей не смешил.

— Вор. Раньше-то мы тебя недооценивали. Какими кознями ты Учителя Вана в заблуждение ввёл?

— Будь я на твоём месте, давно бы со стыда сгорел да дома заперся. Людям путь преграждаешь, неужто сердце не болит?

— Болело бы сердце — не стоял бы тут как ни в чём не бывало. Небось втихомолку-то радуется, шельма.

Они сыпали обвинениями один за другим. Другой бы на месте Вэнькана уже давно сбежал, сверкая пятками.

Но Вэнькан даже бровью не повёл:

— Утренний урок вот-вот начнётся. Не пора ли братьям вернуться к книгам?

— К каким книгам? Мы десять лет горб гнули над свитками, а ты за три месяца нас обошёл? О чём тут читать?

— Вот именно. Говорю тебе: не отдашь место по-хорошему — не пеняй на себя.

Один из них шагнул вперёд, и в его глазах не было ничего, кроме неприкрытой злобы и презрения.

Вэнькан нахмурился:

— Неужто ши-сюн решится на рукоприкладство при всех?

— Марать о тебя руки я не стану, найдутся способы и без того, — фыркнул зачинщик. Плата за обучение в школе разнилась: здесь были либо самородки из бедноты, либо отпрыски богачей. Этот явно принадлежал к последним — такие сами редко в драку лезли.

Вэнькан трезво оценивал свои силы: тело его было ещё слабо, и в случае чего его просто забьют до полусмерти. Впутывать Тяньцзяо он не хотел — не дело это, супругу за него в драку лезть.

Идти к учителю? И того хуже. Этот шанс был для него испытанием, и тревожить наставника своими бедами он не собирался. Что ж, если придётся — стерпит и побои, но от места не отступится.

Вэнькан застыл с каменным лицом, ожидая удара, как вдруг раздался звонкий, возмущённый

детский голосок:

— Это что же вы с моим ши-ди сделать удумали?!

<http://bllate.org/book/15343/1413119>